

ДЕКЛАРАЦИЯ МИТРОПОЛИТА СЕРГИЯ 1927 ГОДА И ЮРИСДИКЦИОННЫЕ КОНФЛИКТЫ ЗА ГРАНИЦЕЙ В СВЕТЕ СОБЫТИЙ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ (ОКОНЧАНИЕ)¹

С. Н. БАКОНИНА

В разгар событий 1928 г., когда вся Харбинская епархия была охвачена антимосковскими настроениями, неясной оставалась позиция епископа Камчатского Нестора, который находился в больнице — по заключению врачей, осложнившийся аппендицит требовал операции. В период харбинских волнений никаких выступлений епископа Нестора по вопросу об отношении к московской церковной власти не было, даже находясь в больнице, он все свои силы посвящал заботам о Доме Милосердия. Возможно, что такое положение владыки и его молчание повлияло на то, что в «Заре» появилось очередное сообщение под заглавием «Новый “церковный” проект Москвы», в котором предлагалась еще одна версия приезда митрополита Серафима. Митрополит, по сообщению газеты, доедет до Харбина и останется там по болезни. Специально составленные группы будут его навещать и просить по выздоровлении отслужить в соборе, где он произнесет проповедь о необходимости подчиниться Москве.

После операции епископ Нестор не соблюдал указаний медиков и служил без отдыха, поэтому снова тяжело заболел и с высокой температурой был перевезен в Модягоускую больницу. Незадолго до болезни, 21 апреля, владыка получил телеграмму из Токио от своего друга и единомышленника архиепископа Японского Сергия (Тихомирова), сообщавшего о намерении прибыть в Харбин 2 мая. Владыка Сергей собирался приехать еще в середине февраля 1928 г. к празднику Сретения, но вынужден был задержаться. В день отбытия архиепископа из Токио ему была отправлена телеграмма за подписью лечивших владыку Нестора врачей: «Просим отложить свой приезд на 3 недели. Епископ Нестор заболел и умоляет Вас не отменять окончательно приезда в Харбин»².

Судя по тексту, владыка Нестор считал встречу с архиепископом Сергием крайне важной. На этот раз архиепископ не стал откладывать свой отъезд и 2 мая прибыл в Харбин. Его приезд совпал с заседаниями Харбинского Епархиального

¹ Начало в № 2 (27). 2008.

² Заря (Харбин). 1928. 27 апр.

собрания, открывшего свою работу 29 апреля. К этому времени газеты опубликовали еще одну «сенсацию» о положении Церкви в России. «Заря» сообщала, что Местоблюститель Патриаршего Престола митрополит Крутицкий Петр освобожден из заключения и желает остаться в Сибири на Тобольской кафедре, а церковную власть передал своему Заместителю, митрополиту Сергию³. Это была очередная провокация властей. Несмотря на давление ОГПУ, митрополит Петр никогда не отказывался от своих местоблюстительских прав. В 1925 г. после ареста и содержания в одиночном заключении он был приговорен к трем годам ссылки и в ноябре 1926 г. этапом отправлен в Тобольск, а в феврале 1927 г. переправлен в село Абалак. В начале апреля 1927 г. митрополит Петр вновь был арестован и доставлен в Тобольскую тюрьму, а в июле того же года сослан за Полярный круг, на берег Обской губы в поселок Хэ. В мае 1928 г. срок ссылки Патриаршего Местоблюстителя был продлен еще на два года.

В слове на молебне перед началом заседаний Епархиального собрания архиепископ Харбинский Мефодий сказал: «Мы находимся в полном духовном единении с Высшей канонической церковной властью Патриархата, носителем которой является Местоблюститель Патриаршего Престола митрополит Петр, о котором мы молимся.

Последние известия говорят нам о том, что митрополит Петр освобожден и сложил с себя высшую власть, пожелав занять место на митрополии в Сибири.

Это показывает, что архипастырская совесть владыки Петра не позволила ему взять на себя ту роль, какую взял митрополит Сергий.

Его уход на Тобольскую кафедру есть добровольное изгнание, и в этом мы усматриваем исповедническое, чисто подвижническое служение митрополита Петра Церкви и будем продолжать считать его нашим законным главой»⁴.

На втором заседании Епархиального собрания был заслушан доклад о деятельности Харбинского Епархиального совета, исполняющим обязанности председателя которого состоял протоиерей Михаил Филологов. Доклад зачитывал секретарь совета протоиерей Знаменский. В этот же день была избрана делегация для встречи архиепископа Японского Сергия. На вокзал к приходу ночного поезда прибыли епископ Мелетий, представители от Епархиального совета, духовенства и церковной общественности Харбина. Прямо с вокзала, в сопровождении протоиерея Н. Вознесенского и старосты Иверской церкви Г. Д. Антипаса, архиепископ поехал в больницу, где находился епископ Нестор. Больной владыка встретил гостя со слезами радости на глазах. Завязалась беседа. В этот день епископ Нестор, находившийся в крайне тяжелом состоянии, подарил другу панагию, и можно думать, что тогда ему казалось, что это их последняя встреча.

Остановился харбинский гость в Иверском доме, в квартире епископа Нестора, где утром 3 мая его посетил епископ Мелетий. В тот же день архиепископ Сергий был с визитом у архиепископа Мефодия, после чего вновь посетил находившегося в больнице владыку Нестора и затем вернулся в Иверскую церковь, где его ожидали прихожане. После молебна перед Иверской иконой Божией

³ См.: Заря. 1928. 29 апр.

⁴ Открытие Епархиального съезда // Заря. 1928. 30 апр.

Матери о здравии больного владыки архиепископ Сергей дал интервью корреспондентам газет, ответив на вопросы о цели своей поездки. По его словам, в Харбине он предполагал заказать иконостас для разрушенного землетрясением 1923 г. Токийского собора, поскольку такая работа в Японии оказалась трудно-выполнимой: нет достаточно искусных мастеров, и стоит все намного дороже, чем предполагалось ранее. Кроме того, огнем были повреждены священные сосуды и утварь, и нужно было вернуть им утраченную форму. Владыка сообщил, что на дальнейшие работы по восстановлению собора потребуется еще 150 тысяч иен и не меньше года времени. «Помимо этого, — добавил архиепископ, — я хотел увидеться с владыкой Нестором, с которым меня связывает искренняя дружба»⁵. Затем он вновь навещил епископа Нестора и на следующий день служил в мужском и женском монастырях, а вечером — в Доме Милосердия, где совершил всенощную и молебен о здравии болящего.

Заседание Харбинского Епархиального собрания архиепископ Сергей посетил в качестве гостя. Одним из главных вопросов, обсуждавшихся на собрании, был вопрос об отношении к московской церковной власти. 4 мая с докладом о положении Зарубежной Церкви выступал В. Ф. Иванов⁶. Из архиереев присутствовали архиепископы Мефодий и Сергей, епископ Мелетий. На этом же заседании было принято решение просить Зарубежный Синод о награждении архиепископа Мефодия саном митрополита. 9 мая, на следующий день после заключительного заседания, был опубликован текст постановления, принятого Харбинским Епархиальным собранием. В нем, в частности, говорилось:

«Ввиду полного порабощения и пленения служителей Церкви коммунистической властью в СССР, лишения служителей Церкви свободы на управление на канонических началах, ни о каком подчинении в данный момент Русской Зарубежной Церкви и ее центральной власти Местоблюстителю Патриаршего Престола⁷ в смысле фактического подчинения не может быть и речи: Харбинское Епархиальное собрание принимает к руководству и неуклонному исполнению окружное послание архиереев Русской Православной Церкви Заграницей от 27 августа (9 сентября) 1927 года, каковым посланием определено: “прекратить административные сношения с московской церковной властью ввиду невозможности нормальных сношений с нею” и “решительно отвергнуть предложение митрополита Сергия и его Синода дать подписку о верности советскому правительству, как неканоническое и весьма вредное для Святой Церкви, как в России, так и за границей”».

Признав каноничность Зарубежного Синода и свое подчинение ему как высшей церковной власти, Харбинское Епархиальное собрание также постановило:

⁵ Заря. 1928. 3 мая.

⁶ Иванов Василий Федорович — бывший присяжный поверенный округа Казанской судебной палаты. После революции проживал в Приморье, где стал известен как журналист и политический деятель. Делегат Первого несоциалистического съезда, премьер-министр белого меркуловского правительства (1921). Эмигрировал в Харбин.

⁷ Вероятно, имеется в виду митрополит Сергей (Страгородский), поскольку в Харбине поверили слухам о передаче ему власти митрополитом Петром.

«Для канонического управления и объединения православных людей, пребывающих в Японии и Китае и проживающих вне территории СССР, Харбинское Епархиальное собрание считает необходимым создание Высшего Церковного Управления в виде учреждения Дальневосточного Митрополичьего Округа, который должен находиться в каноническом общении с Собором епископов Зарубежной Российской Православной Церкви»⁸.

В то же время о присутствовавшем на последнем заседании архиепископе Японском Сергии газеты сообщали, что основной целью его приезда в Харбин было не участие в Епархиальном собрании, а сбор пожертвований на восстановление Токийского собора, ремонт пострадавшей во время землетрясения церковной утвари и получение в Харбине святого мира и антиминов. Для исполнения намеченных задач владыка Сергей каждый день совершал богослужения, во время которых проходил кружечный сбор, посещал местных церковно-общественных деятелей и благотворителей, принимал посетителей на квартире. Были также проведены встречи в гимназиях Харбина, на которых владыка выступал с докладами о положении Православной Церкви в Японии.

Несмотря на то что цель приезда архиепископа Японского была известна, и сборы давали хорошие результаты, по Харбину распространились слухи о его особой миссии, являющейся продолжением миссии «митрополита из Москвы». В частности, сообщение об этом было напечатано в газете «Заря», и архиепископ Сергей был вынужден опровергать подобные измышления на страницах «Русского слова».

Почвой для обвинений владыки послужили публикации за границей документов, в которых перечислялись архиереи, пожелавшие находиться в ведении Московской Патриархии. Еще осенью 1927 г. архиепископ Сергей получил письмо от Заместителя Патриаршего Местоблюстителя, в котором митрополит Сергей запрашивал о положении Православной Церкви в Японии и об отношении ее к московской церковной власти. В ответ архиепископ Сергей направил доклад Заместителю от 31 октября 1927 г. о положении дел в миссии. В докладе говорилось, что русские эмигранты, в числе нескольких сотен, после землетрясения 1923 г. почти все выехали в Европу и Америку, никаких русских организаций в Японии — не только политических, но даже просветительских и благотворительных — нет, как нет и русских приходов. Исходя из факта внутренней самостоятельности Японской Церкви, архиепископ Сергей просил о даровании ей автономии⁹. В докладе он писал: «Японская Православная Церковь всегда мыслила и мыслит себя в лоне Московской Патриархии, поминая прежде в молитвах Святителя, а ныне поминая неизменно Местоблюстителя и его Заместителя. [...] Японская Православная Церковь, — говорилось далее, — будет весьма духовно утешена, если Московская Патриархия, знающая уже ее фактическую самостоятельность во внутренних делах, так или иначе подтвердит эту самостоятельность и особым дарственным актом. [...] Что касается меня лично, — писал архиепископ Сергей, — то получение № 401-го от Вашего Высокопреосвящен-

⁸ Русское слово. (Харбин). 1928. 9 мая.

⁹ См.: *Ведерников А.* Пример церковного законопослушания: Памяти митрополита Японского Сергия // ЖМП. 1951. № 7. С. 46.

тва я считаю днем, с какого восстановились мои сношения с [...] Центральным Управлением [...] И убедительно прошу прислать мне распоряжение быть в ведении только Московской Патриархии»¹⁰.

В ответ архиепископ Сергей получил указ Временного Патриаршего Синода № 28 от 4 января 1928 г. с предложением управлять вверенной ему паствой на прежних основаниях и состоять в непосредственном ведении Московской Патриархии. В то же время, в вопросе о формальном признании самостоятельности Японской Церкви, Московский Синод указывал, что, «признавая такую самостоятельность отвечающей положению Японской Церкви и вполне ею заслуженной, нельзя не иметь в виду, что настоящее церковное управление в лице Заместителя и Патриаршего Священного Синода, как только временное, не может придать акту о признании самостоятельности Японской Церкви всей полноты авторитета, и что поэтому Японской Церкви приличнее получить такой акт от предстоящего Поместного Собора или, по крайней мере, от будущего Патриарха»¹¹.

В феврале 1928 г. архиепископ Сергей предполагал посетить Харбин, однако, как уже говорилось выше, поездка состоялась только в мае. К этому времени он уже направил ответное письмо митрополиту Сергию, в котором писал: «Я молю Воскресшего, да умудрит, да вдохновит, да укрепит Он Вас и весь Священный Синод в том воистину великом деле установления *modus vivendi* Святой Православной Церкви, которое Вы столь благовременно начали. Много лая и воя слышу я по этому поводу “за границей”, но Ваше дело через это делается еще более святым. Ваш Указ от 4 января с. г. за № 28-м получен мною 23 января. Принят он мною к неуклонному исполнению и получен с глубокой благодарностью за постановление состоять в непосредственном ведении Московской Патриархии»¹².

Последнее богослужение в Харбине архиепископ Сергей совершал 13 мая в женском монастыре, где вечером того же дня был отслужен молебен о здравии епископа Нестора. Во время молебна был обмыт чудотворный образ Владимирской иконы Божией Матери, и святая вода послана больному архипастырю. Утром 14 мая архиепископ Сергей нанес визит главноначальствующему Чжан Хуансяну и отбыл в Японию. Вскоре он получил Указ Патриаршего Синода от 30 апреля 1928 г. за № 1058 о награждении правом ношения бриллиантового креста на клобуке.

Таким образом, приезд архиепископа Японского Сергия в Харбин состоялся после его решения остаться в каноническом общении с Московской Патриархией и мог быть связан не только со сбором средств на восстановление Токийского собора, но и с обсуждением юрисдикционных проблем, ставивших каждого зарубежного иерарха перед жестоким выбором: подчиниться московской церковной власти во главе с Заместителем Патриаршего Местоблюстителя или перейти в юрисдикцию отделившегося от нее Зарубежного Синода. При этом в разгар смуты на Дальнем Востоке мало кто знал, что находившийся в заключении Патриарший Местоблюститель митрополит Крутицкий Петр от своих полномочий по

¹⁰ Буевский А. Русская Православная Церковь за границей: Миссии // ЖМП. 1950. № 10. С. 30.

¹¹ Ведерников А. Указ. соч. С. 46–47.

¹² Там же. С. 47.

общему управлению Церковью не отказывался и не передавал их во всей полноте своему Заместителю, по должности имевшему права распоряжаться лишь текущими делами. Архиепископ Японский Сергей, оставаясь самостоятельным во внутреннем управлении и утверждая, что Японская Церковь не интересовалась политической ориентацией Московской Патриархии или ее отдельных членов¹³, занял твердую позицию неотделения от нее, в то время как харбинские архиереи единодушно поддержали Зарубежный Синод. В стороне пока оставался только епископ Нестор. Почитая архиепископа Сергия как своего друга и наставника, он не мог не прислушиваться к его мнению. Однако болезнь, приковавшая владыку к больничной койке, давала Камчатскому епископу отсрочку для принятия окончательного решения.

8 июня 1928 г. на имя митрополита Евлогия (Георгиевского) последовал очередной указ Заместителя Местоблюстителя за № 1246, который извещал о заслушании Заместителем и временным при нем Синодом докладов управляющего Западно-Европейскими православными приходами:

1 — № 1824 от 12 сентября 1927 г. — о возникших между митрополитом Евлогием и Зарубежным Синодом разногласиях;

2 — № 2228 от 29 октября 1927 г. — о запрещении митрополита Евлогия и верного ему духовенства Архиерейским Собором РПЦЗ в священнослужении, с приложением копии послания Константинопольского Патриарха о недействительности запрещения и другими документами;

3 — от 19 апреля 1928 г. — список единомысленного с ним заграничного духовенства.

В указе сообщалось, что, согласно определению № 104 от 9 мая 1928 г., подведомственные митрополиту Евлогию архиереи — архиепископ бывший Белостокский Владимир (Тихоницкий), епископы бывший Бельский Сергей (Королев) и бывший Севастопольский Вениамин (Федченков) и прочие священнослужители, давшие подписку о лояльности, — считаются состоящими по-прежнему в административно-каноническом ведении Московской Патриархии. Митрополит Евлогий оставался во главе управления русскими церквями в Западной Европе «на прежних основаниях, впредь до рассмотрения представленного им проекта Положения об управлении помянутыми церквями».

На основании постановления Святейшего Патриарха Тихона № 348 от 5 мая 1922 г.¹⁴ этим же документом Архиерейский Собор и Синод в Карловцах объявлялись упраздненными и не имеющими канонических полномочий на управление делами Русской Православной Церкви за границей, вместе с чем упразднялась и вся система карловацкого церковного управления. Распоряжения Карловацкого Собора и Синода по управлению заграничными церквями, учреждению новых епархий, увольнению или перемещению архиереев подлежали отмене как неканонические.

¹³ См.: *Саблина Э.* Токийский кафедральный Воскресенский собор в истории Японской Православной Церкви // ЖМП. 2000. № 6. С. 59.

¹⁴ Постановление об упразднении Временного Высшего Церковного Управления за границей. На следующий день после его подписания св. Патриарх Тихон был арестован.

Тем же указом митрополиту Евлогию предписывалось обратиться к архипастырям карловацкой группы «с братским увещанием, чтобы они подчинились законному священноначалию Русской Православной Церкви» (т. е. митрополиту Сергию) и не позднее 14 сентября либо представили митрополиту Евлогию общее постановление о прекращении деятельности Зарубежного Синода и Собора, передав все полномочия по церковному управлению митрополиту Евлогию, либо, если это окажется неосуществимым, заявили бы о своем личном выходе из подчинения Зарубежному Синоду и Собору ввиду их упразднения и признали каноническую власть митрополита Евлогия как управляющего Русскими церквями в Западной Европе. Неполучение митрополитом Евлогием ответа в указанный срок признавалось как отказ подчиниться законной церковной власти.

О духовенстве карловацкой ориентации было принято решение:

«а) Тех из них, кто с принятием настоящего предложения, даст вместе и обязательство о лояльности к советской власти — признать остающимися в каноническом ведении Московской Патриархии.

б) Тех, кто хотя и подчинится постановлению об упразднении Карловацкого Собора и Синода, но обязательства не даст — признать исключенными из ведения Патриархии, с предоставлением Преосвященному митрополиту Евлогию освободить их от должностей. [...]

в) Тех, кто откажется подчиниться настоящему постановлению, или оставит его в указанный срок без ответа, независимо от того, дано ли или не дано выше-названное обязательство, предать соборному суду, как ослушников законного священноначалия и учителей раскола с запрещением, смотря по вине и упорству, в священнослужении впредь до суда, или до раскаяния»¹⁵.

В ответ на указ митрополита Сергия митрополит Евлогий выступил с обращением к русским епископам за границей, в котором сделал пояснение к этому документу. Он сообщал, что выданное им обязательство (№ 1823 от 12 сентября 1927 г.) имело формулировку с обещанием твердо стоять на позиции невмешательства Церкви в политическую жизнь и не допускать, чтобы церковный амвон обращался в политическую трибуну. Это положение, по словам митрополита Евлогия, было им развито в письме митрополиту Сергию от 29 октября 1927 г.

Подведомственное митрополиту Евлогию духовенство ответило следующим заявлением: «Ознакомившись с указами временного Патриаршего Синода за №№ 95 и 97 и с письмом Заместителя Местоблюстителя Патриаршего Престола Высокопреосвященнейшего митрополита Сергия, а также с ответом на них Высокопреосвященнейшего митрополита Евлогия, я присоединяюсь к этому ответу»¹⁶. Всем архиереям, подчинявшимся Синоду Русской Православной Церкви за границей, также предлагалось дать ответ на обращение митрополита Евлогия до указанной митрополитом Сергием даты — 14 сентября 1928 г.

В то же время во всех зарубежных газетах было опубликовано послание митрополита Евлогия от 25 июня 1928 г., в котором разъяснялось значение указа

¹⁵ Указ Заместителя Местоблюстителя Патриаршего Престола Митрополита Сергия // Церковный Вестник Западно-Европейской епархии. 1928. № 12. С. 1–3.

¹⁶ Обращение Высокопреосвященнейшего Митрополита Евлогия к русским Епископам за границей // Церковный Вестник Западно-Европейской епархии. 1928. № 12. С. 4–5.

митрополита Сергия от 8 июня 1928 г. и опровергались слухи о том, что митрополит Евлогий и подведомственное ему духовенство дали подписку о лояльности советской власти. В послании митрополит Евлогий также отмечал, что с карловчанами его разделяет неодинаковое отношение к митрополиту Сергию, обвиняемому в излишней уступчивости советской власти. Не обходя вниманием и то обстоятельство, что внутри России уже началась волна отхода некоторых иерархов от Заместителя, сам митрополит Евлогий объяснял эту уступчивость необходимостью установить такие отношения с советской властью, которые обеспечили бы Церкви «хотя бы минимальную свободу и возможность внутренней ее организации». По утверждению митрополита Евлогия, большинство российской иерархии и верующего народа оставались верными митрополиту Сергию, как своему духовному вождю. По его оценке митрополит Сергий и возглавляемый им Синод представляли собой на тот момент «единственный законный орган Высшего Церковного управления в Русской Церкви, получивший свои полномочия от законного Местоблюстителя Патриаршего Престола митрополита Петра, который передал ему эту власть в послании своем от 1 января 1927 года»¹⁷.

Однако в объяснениях митрополита Евлогия вызывает вопрос прежде всего утверждение о якобы состоявшейся передаче местоблюстительских прав митрополиту Сергию, поскольку упомянутое им в этой связи послание Местоблюстителя касалось не передачи им прав по управлению Церковью Заместителю, а лишь подтверждало наложенное митрополитом Сергием запрещение в священнослужении раскольников-григориан. Послание было опубликовано за границей осенью 1927 г.¹⁸, и митрополит Евлогий знал настоящее содержание документа.

* * *

Таким образом, через год после издания Декларации 1927 г. ситуация за границей была следующая: согласно распоряжениям московской церковной власти во главе с Заместителем Патриаршего Местоблюстителя, Зарубежный Синод подлежал упразднению, и церковное управление за границей передавалось митрополиту Евлогию (Георгиевскому). Однако условием для его утверждения на возглавление зарубежными приходами было принятие Декларации о лояльности советской власти, которая была также условием сохранения единства с Московской Патриархией. Очевидно, что требование лояльности было политического характера и исходило не от церковных, а светских властей. Поэтому карловчане никакого ответа митрополиту Евлогию не дали.

В Харбине обращение митрополита Евлогия о необходимости выявить свою позицию по отношению к московской церковной власти было получено летом 1928 г. 19 июля в Харбинском Епархиальном совете состоялось совещание под председательством архиепископа Мефодия и при участии епископа Мелетия по вопросу, как реагировать на указ митрополита Сергия. Совещание не пришло ни к какому решению, и присутствовавшие лишь обменялись мнениями, выска-

¹⁷ Архипастырское послание митрополита Евлогия // Церковный Вестник Западно-Европейской епархии. 1928. № 12. С. 7.

¹⁸ Послание митрополита Петра // Вестник РСХД. 1927. № 9. С. 24–25.

завшись за необходимость созыва более широкого совещания из представителей клира и мирян. Одним из участников было даже сделано особое заявление: так как архиепископ Мефодий не получал никакого указа от митрополита Сергия, то нет необходимости вообще поднимать этот вопрос. В итоге на собрании было решено в ближайшее время созвать новое совещание.

Из дальневосточных иерархов на обращение митрополита Евлогия отозвался только архиепископ Японский Сергей. 17 сентября 1928 г. он вновь писал в Москву и говорил о необходимости ликвидировать Карловацкий Синод, в котором он видел корень всех нестроений в жизни заграничной Русской Церкви и советовал известить об этой ликвидации Константинопольского, Александрийского, Иерусалимского Патриархов, греческого и болгарского митрополитов и Патриарха Сербского Димитрия, а также просил не допускать работы Синода на территории Сербии. Тогда, по его мнению, все эмигрантские архиереи и духовенство могли бы работать на своих местах без запрещений¹⁹.

Вскоре начал переписку о принятии в юрисдикцию Московской Патриархии епископ Камчатский Нестор. В результате митрополит Сергей издал Указ № 1496 от 31 мая 1929 г. о приеме епископа Нестора в Московскую юрисдикцию. Однако уже летом 1929 г. владыка Нестор проявил неуверенность в своем решении и через архиепископа Японского Сергея направил письмо митрополиту Евлогию, пока еще сохранявшему связь с Московской Патриархией²⁰, с просьбой не публиковать указ митрополита Сергия в «Церковном Вестнике Западно-Европейской епархии». Но указ получил огласку. В октябрьском номере «Вестника» сообщалось:

«Церковное положение на Дальнем Востоке к настоящему моменту, в связи с церковной смутой, сводится к следующему:

Архиепископ Японский Высокопреосвященный Сергей состоит в общении с Московским Патриаршим Престолом и Заместителем Местоблюстителя.

В таком же каноническом общении с Московской Патриархией находится Преосвященный Нестор, епископ Камчатский, получивший указ временного Патриаршего Синода о включении его в состав клира Русской Церкви, возглавляемой Патриархией.

Архиепископ Пекинский Иннокентий признает юрисдикцию Карловацкого Синода, являясь наиболее рьяным его сторонником на Дальнем Востоке. Ему подчинена Пекинская Духовная Миссия и миссийские храмы в Харбине и других пунктах. Среди его паствы многие недовольны и его ориентацией, и характером его управления. В его ведении состоит епископ Шанхайский Симон.

Архиепископ Харбинский Мефодий до сего времени стоял на стороне Карловацкого Синода, но вопрос, не переменит ли он в недалеком будущем своей

¹⁹ См.: *Ведерников А.* Пример церковного законопослушания: Памяти митрополита Японского Сергия // ЖМП. 1951. № 7. С. 47.

²⁰ Указом митрополита Сергия № 1518 от 11 июля 1930 г. митрополит Евлогий был уволен от управления русскими приходами в Западной Европе с последующим запрещением в священнослужении вместе с подчиненным ему духовенством, не подчинившимся новому управляющему Западно-Европейскими приходами митрополиту Литовскому Елевферию. 17 февраля 1931 г. русские приходы в Западной Европе под управлением митрополита Евлогия были приняты в юрисдикцию Вселенского Патриарха.

позиции. Между ним и архиепископом Иннокентием за последнее время обострились до крайности разногласия по вопросу о принадлежности некоторых храмов тому или другому епископу в отношении управления»²¹.

После огласки указа о принятии епископа Нестора в Московскую юрисдикцию на него обрушился поток анонимных писем, обвинявших его в живоцерковничестве и большевизме. В эмигрантской среде стали распространяться слухи о назначении владыки на Харбинскую кафедру и возведении его в сан архиепископа. В феврале 1930 г. в газете «Гун-бао» появилось интервью епископа Нестора, в котором он говорил: «Никогда, с самого момента святого крещения, я не был отделен или отлучен от общения со святой Матерью, Церковью Российской, и ныне со смирением считаю я себя по-прежнему состоящим в неразрывном общении с Православной Русской Церковью»²².

Признавая Высшей Всероссийской Церковной Властью только гонимую Церковь на Родине во главе с томившимся в заключении Местоблюстителем Патриаршего Престола митрополитом Петром, владыка Нестор считал, что в настоящий момент ее временным главой стал митрополит Сергей и защищал его позицию, указывая, что Заместитель не признал советской власти, а только отказался от всякой политической борьбы, что подтверждает его обращение от 10 июля 1926 г. По словам епископа Нестора, митрополит Сергей в своих действиях проявлял заботу о целостности Православной Церкви в России. «Ведь у большинства из нас, — говорил он, — есть родные и близкие в пределах советской России. Подчиняясь советским законам, они являются лояльными гражданами советского государства, но не становятся от этого большевиками и не имеют никакого отношения к коммунизму. Мы, находящиеся за границей, совершенно не обязаны разделять такую лояльность, ибо мы должны подчиняться законам той страны, которая приютила нас и обязаны быть лояльными к ней»²³.

Объясняя таким образом и собственную позицию, епископ Нестор опровергал возводимые на него обвинения. В заключение он писал: «Для себя лично я ничего не ищю, мне ничего совершенно не нужно. Все харбинские слухи о получении мною указов, назначающих меня на местную кафедру и возводящих меня в сан архиепископа, совершенно ни на чем не основаны: я таких указов не получал ни от митрополита Сергея, ни от митрополита Антония, ни от митрополита Евлогия. Дело милосердия, которому я теперь служу, было препоручено мне самим Господом, без всяких моих стремлений, я смиренно принял на себя это служение и, зная, что я в нем бессилён работать один, я неустанно призываю на помощь добрых людей. От этого дела я не имею ничего, кроме волнений и беспокойства, но, почитая себя лишь приказчиком Господа и тех добрых людей, которые своими жертвами и своим участием помогают мне, я по мере своих слабых сил буду по-прежнему вершить это дело, пока хватит сил, пока я могу приносить в нем какую-либо пользу»²⁴.

²¹ Церковный Вестник Западно-Европейской епархии. 1929. № 10. С. 31.

²² Гун-бао. Харбин, 1930. 7 февр.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

В ответ на это интервью в газете «Царский вестник» было опубликовано «Открытое письмо Китайского и Пекинского Митрополита Иннокентия Епископу Нестору»²⁵. Митрополит Иннокентий (Фигуровский), до конца жизни остававшийся большим тружеником и защитником Церкви, сохранял личную преданность главе Зарубежного Синода митрополиту Антонию (Храповицкому). Он вел с ним обширную переписку, и его мнение, особенно по вопросам церковного управления, часто принималось к сведению Синодом. Не признававший никаких компромиссов с советской властью, митрополит Иннокентий стоял на непримиримой позиции по отношению к политике митрополита Сергия и его Декларации, поэтому его ответ на интервью епископа Нестора был крайне резким.

В 1931 г. от сердечного приступа скончался митрополит Харбинский и Маньчжурский Мефодий (Герасимов)²⁶, и по решению Зарубежного Синода во главе епархии был поставлен возведенный в сан архиепископа Мелетий (Заборовский). В одном из писем митрополиту Антонию, написанном в ответ на его письмо «по поводу епископа Нестора», архиепископ Мелетий писал:

«Взгляды его [епископа Нестора] действительно странны; на раскол в Церкви он смотрит именно как на личную ссору архиереев. Были ли наложены какие-либо прещения на Еп[ископа] Нестора Архиерейским Синодом, когда он откололся от него, мне неизвестно, так как по этому делу Епископ Нестор имел сношение с покойным Митрополитом Мефодием. От Епископа Нестора я только слышал, что из Москвы ему был послан указ образовать здесь особую епархию, но он от этого решительно отказался, да конечно хорошо и сделал, так как при том настроении русских, какое здесь существует, конечно, у него ничего бы не вышло. В видах, вероятно, этого, он ничем и не проявлял за богослужениями своей принадлежности к Московской Патриархии. Все время поминал Митрополита Петра, Ваше Святое имя и Митрополита Мефодия. Так что эта “церковная аполитичность” наконец привела его к убеждению, что он остался, как говорил мне, “без стула”»²⁷.

Несмотря на такое положение, епископ Нестор продолжал свои труды в Доме Милосердия, превратившегося в подворье Камчатской епархии. В начале января 1931 г. владыка совершил освящение нового придела храма Дома Милосердия. За Литургией он рукоположил в священника диакона Георгия Вознесенского²⁸, сына протоиерея Николая Вознесенского, который сам обводил сына вокруг престола. Отец Георгий причислялся к храму и должен был совершать ранние Литургии в новом приделе.

25 мая 1931 г. открылся очередной Архиерейский Собор Русской Православной Церкви за границей, на котором было утверждено назначение архиепископа Мелетия на Харбинскую кафедру, и одновременно с назначением Собор поста-

²⁵ Открытое письмо Китайского и Пекинского митрополита Иннокентия епископу Нестору // Царский вестник. Белград, 1930. № 84. С. 2–3.

²⁶ В сан митрополита возведен в 1929 г. Архиерейским Синодом РПЦЗ.

²⁷ ГА РФ. Ф. Р-6343. Оп. 1. Д. 233. Л. 150.

²⁸ Будущий митрополит Филарет — Первоиерарх Русской Зарубежной Церкви с 1964 по 1985 г.

новил утвердить и сообщить о запрещении в священнослужении епископа Нестора, поручив ему преподать последнему увещание.

В середине мая того же года архиепископ Мелетий был вызван в Пекин в связи с тяжелой болезнью митрополита Иннокентия. Начальник миссии находился в госпитале, но продолжал принимать посетителей и заниматься делами епархии. Митрополит Иннокентий просил приехать и епископа Нестора, «в виду получения от него доброго, искреннего, смиренного письма»²⁹. После посещения Пекина архиепископ Мелетий вернулся в Харбин и имел беседу с владыкой Нестором по поводу его положения «вне пространства и времени», или, как хотелось бы сказать, вне юрисдикции, а также по поводу предполагаемого свидания с митрополитом Иннокентием. По свидетельству архиепископа Мелетия, результатом этого разговора было решение епископа Нестора возвратиться в юрисдикцию Зарубежного Синода³⁰. С другой стороны, основной причиной такой перемены было, вероятно, то, что владыка Нестор, не допуская мысли о возможности разрыва с Матерью-Церковью и поначалу оказавшийся на стороне тех, кто, не считая себя гражданами Советского Союза, согласился дать обязательство о неучастии в политической жизни, вынужден был признать, что эта формальность потребует дальнейших шагов и внесет новый разлад в церковную жизнь, и поэтому отказался от своего решения³¹.

В начале июня епископ Нестор приехал в Пекин. Он привез владыке Иннокентию икону святителя Иннокентия с мощами, служил в миссии и провел там целую неделю. «У покойного Митрополита, — писал об этом архиепископ Мелетий, — бывал каждый день; Владыка Митрополит был очень рад этому примирению. Пр[еосвященный] Нестор оказал Миссии во время своего пребывания там важную услугу. Уговорил присяжного поверенного Ребринна, взыскавшего с миссии 10 т[ы]с[я]ч долларов, по пристрастным к миссии расчетам, прекратить дело, и он прекратил. Покойный Митрополит подарил Пр[еосвященному] Нестору для церкви Дома Милосердия колокол в 22 п[уда]»³².

Впоследствии владыка Нестор назовет это ежедневное пребывание в душевном общении с митрополитом Иннокентием «счастливой светлой седмицей», «незабвенной и святой по своему содержанию». Владыки искренне просили друг у друга прощения и в разговорах многое прояснили. Митрополит Иннокентий, как вспоминал епископ Нестор, «был страшно поражен, когда узнал,

²⁹ Кончина митрополита Иннокентия // Царский Вестник. 1931. № 227. С. 2.

³⁰ ГА РФ. Ф. Р-6343. Оп. 1. Д. 233. Л. 150–159 об.

³¹ В 1945 г. архиепископ Нестор первым из харбинских архиереев стал помянуть Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия. После воссоединения с Московской Патриархией он был назначен Экзархом в Восточной Азии с возведением в сан митрополита. Летом 1948 г. владыка Нестор был арестован и вывезен в Советский Союз. После читинской тюрьмы и московской Лубянки последовал приговор — 10 лет лагерей. После освобождения из заключения в 1957 г. митрополит Нестор управлял Новосибирской и затем Кировоградской епархиями. В сентябре 1958 г. последовало его увольнение на покой, которое было спровоцировано властями. Камчатское подворье и Дом Милосердия в Харбине были закрыты в феврале 1962 г. Через несколько месяцев, 4 ноября того же года, в день Казанской иконы Божией Матери в Москве отошел ко Господу митрополит Нестор (Анисимов).

³² ГА РФ. Ф. Р-6343. Оп. 1. Д. 233. Л. 150 об.

что умышленно вносился разлад в нашу мирную церковную жизнь. Он поразился, что был выдуман митрополит Серафим, которого так со страхом ждали в свое время в Харбине и который в действительности никогда не собирался приехать. Владыка Иннокентий сам верил в этот слух и опасался за судьбу Церкви. Он просил меня написать все это подробно в Благовестнике³³, но я сказал, что раскаявшийся предо мною виновник этого вымысла просил меня не открывать в печати его имени. Все же Владыка для восстановления истины и для успокоения веривших в эту ложь просил меня, не упоминая имени виновника, об этом написать. [...] Я был счастлив разобрать и много крупных вопросов в связи с нашей Заграничной Православной Церковью. Ничего, ничего не осталось невыясненным, и мы взаимно уверились, что у нас Един Бог, едина вера, едино крещение и едина Церковь, а с этим и кончилось торжество тех, кто силился нас рассорить и нарушить мир церковный. [...] Взгляд владыки Иннокентия на иерархов, живущих в гонимом нашем Отечестве, мне был дорог и ответил вполне моему взгляду. Когда я спросил владыку митрополита — почему он не молится за гонимых и несвободных в своей совести иерархов, полоненных безбожниками, то владыка повышенным голосом ответил мне: “Я всегда молюсь за них; за них должно сугубо молиться, но общение с ними сейчас совершенно немыслимо”»³⁴.

После посещения митрополита Иннокентия епископ Нестор совершил поездку по Пекинской епархии и служил во многих храмах. Телеграмму, извещавшую о кончине митрополита, последовавшей 28 июня 1931 г., владыка Нестор получил в Циндао. Узнав о происшедшем, он попросил местного иеромонаха Садока двенадцать раз ударить в большой колокол, чтобы возвестить пастве о кончине их архипастыря. Вечером была совершена панихида, перед которой епископ Нестор произнес слово о почившем и передал его благословение пастве, как поручил ему сам митрополит Иннокентий при расставании в госпитале.

О решении Собора архиереев Русской Православной Церкви за границей с утверждением запрещения в священнослужении он смог узнать только по возвращении в Харбин. Возможно также, что архиепископ Мелетий, выполняя поручение Собора, преподал ему «увещание». Однако к этому времени в Зарубежный Синод должно было поступить и письмо епископа Нестора о возвращении в юрисдикцию Зарубежного Синода, о чем глава Синода митрополит Антоний (Храповицкий) писал в личном письме Ю. П. Грабе:

«Е[пископ] Нестор просится назад к нам, а был он у Евлогия. С недавнего времени живет в Харбине и все говорит лямур, лямур: зачем разделения? должна быть любовь и любовь. Будто кто-либо проповедует ненависть!»³⁵

Каким было отношение в Харбине к запрещению епископа Нестора сказать трудно. Сам владыка узнал о нем только 7 августа, при посещении архиепископа Мелетия, и, следовательно, запрещение действовало всего 10 дней, так как 17 августа 1931 г. епископ Нестор получил письмо от митрополита Антония, в

³³ Журнал «Китайский благовестник» издавался Пекинской миссией.

³⁴ Письмо епископу Симону // Китайский благовестник. 1931. № 5–6. С. 13–15.

³⁵ Письма блаженнейшего митрополита Антония (Храповицкого). Джорданвилль, 1988. С. 246.

котором глава Зарубежного Синода просил его по-прежнему продолжать богослужения во всех церквях³⁶.

Осенью 1931 г. был поднят вопрос о создании кафедры викарного епископа в Харбине. Кандидатом в викарии Харбинского архиерея называли протоиерея Николая Вознесенского, настоятеля Иверской церкви, которым уже было подано прошение о пострижении в монашество. Его сын, молодой священник Георгий Вознесенский, также принимал монашество и оставался служить при храме Дома Милосердия. Пострижение отца Георгия, получившего в монашестве имя Филарет, состоялось 12 декабря 1931 г., совершал его епископ Нестор. В то же время положение Камчатского епископа в Харбинской епархии оставалось канонически неопределенным. Правящий архиерей, архиепископ Мелетий, был крайне щепетилен в вопросах соблюдения церковного порядка. В письме митрополиту Антонию он писал: «Прошу Вас дать один разъяснительный ответ. Пр[еосвященный] Нестор по поручению Митр[ополита] Мефодия, а отчасти и по своему изволению делал поставления в иерея и в диакона. Как относиться к рукоположенным им. И имеет ли он право, находясь в чужой епархии, рукополагать для нужд своей Камчатской епархии, к каковой он причисляет церковь его приюта — Дом Милосердия, находящегося в Харбине. Приют этот он именует “Камчатским подворьем”, разрешение на устройство таких подворий, думается, должно быть даваемо Высшей церковной властью. Как смотреть на все это?»³⁷

Рукоположения, совершенные епископом Нестором в Харбине, а также статус Камчатского подворья были признаны Зарубежным Синодом, о чем говорят послужные списки насельников Дома Милосердия.

* * *

Обобщая вышеприведенные факты, можно сделать следующее заключение. Ложные слухи о приезде в Харбин «митрополита из Москвы» спровоцировали выступления духовенства и мирян Харбинской епархии, выявив резко отрицательное отношение дальневосточной православной эмиграции к Декларации митрополита Сергия, а также возможные осложнения в случае назначения в Маньчжурию московского ставленника. С другой стороны, харбинское духовенство во главе с правящим архиереем архиепископом Мефодием (Герасимовым), дезинформированное слухами о передаче Патриаршим Местоблюстителем митрополитом Петром (Полянским) прав по управлению Церковью своему Заместителю, поставило вопрос об образовании на Дальнем Востоке митрополичьего округа, подчиненного независимому от Москвы Зарубежному Синоду и включавшего приходы, находившиеся на территории Китая и Японии. Этого положения придерживался и начальник Российской духовной миссии в Китае архиепископ (позднее митрополит) Иннокентий (Фигуровский). Однако это мнение не учитывало заявлений самого Зарубежного Синода, который и после разрыва канонического общения с митрополитом Сергием по-прежнему декларировал подчинение Патриаршему Местоблюстителю.

³⁶ Русское слово. (Харбин). 1931. 18 авг.

³⁷ ГА РФ. Ф. Р-6343. Оп. 1. Д. 233. Л. 150 об.

Из трех архиереев-беженцев, проживавших в Харбине, не сразу определился в вопросе об отношении к московской церковной власти епископ Камчатский Нестор (Анисимов). Не считая возможным отделение от Матери-Церкви, он выразил согласие на принятие в юрисдикцию Московской Патриархии, однако, когда этот шаг потребовал от него выполнения определенных условий, прежде всего подписки о лояльности советской власти, владыка отказался от своего решения и вернулся в юрисдикцию Зарубежного Синода. В юрисдикции Московской Патриархии остался только архиепископ Японский Сергей (Тихомиров).

Таким образом, события на Дальнем Востоке свидетельствуют о том, как нелегко давалось решение о принадлежности к той или иной юрисдикции отдельным иерархам. Ведь все они осознавали себя чадами единой Русской Православной Церкви, поэтому отказ от канонического подчинения Московской Патриархии ставил каждого из них перед нелегким выбором.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, Русская Православная Церковь за границей, русская эмиграция, Харбинская епархия, Пекинская миссия, Японская миссия.

THE METROPOLITAN SERGIY'S DECLARATION OF THE 1927-TN AND JURISDICTIONAL CONFLICTS ABROAD IN THE LIGHT OF DEVELOPMENTS ON THE FAR EAST

S. N. BAKONINA

The article is dedicated to the history of evolution of jurisdictional conflicts abroad which were caused by the Declaration of the 1927-th. It also concerns relations of Moscow Church authority with foreign clergy abroad. The author examines problems in the light of developments that mainly took place on the Far East and in the eparchy of Harbin. Developments on the Far East testified difficulties with which the decision of belonging to a definite jurisdiction was made by some foreign hierarchies. The refusal of the canonical subordination to the Moscow Patriarchate confronted them with a difficult choice because all of these hierarchies realized themselves to be members of one Russian Orthodox Church.

Key words: Key words: the Russian Orthodox Church, the Russian Orthodox Church Abroad, the Russian emigration, the Harbin Diocese, the Orthodox mission in Peking (Beijing), the Japanese Orthodox mission.